

МАРИНА

ДРОБКОВА

ТЕЖНО ПРЕДЪМЪ

ИМПЕРСКИЙ
МАРШ

Техноведьма

Марина Дробкова
Имперский марш

«РОСМЭН»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Дробкова М.

Имперский марш / М. Дробкова — «Росмэн»,
2016 — (Техноведьма)

ISBN 978-5-353-07988-0

Внимание! Эксклюзивно только для читателей магазина Литрес! В книге содержится первая глава еще не вышедшей второй части истории «Техноведьма»! Главная героиня «Имперского марша» Аня Пчелкина живет в интернате на загадочном острове Светлоярск и обладает особыми способностями – она может управлять механизмами с помощью свиста и пения. Но этот дар приходится скрывать – таким детям-техно грозит серьезная опасность. Чтобы реализовать свои способности, спасти друзей и узнать о своей семье, ей приходится преодолеть много трудностей. Читателя ждет удивительный мир науки и магии, в лучших традиция фантастических произведений для детей и подростков. Первая книга серии «Техноведьма» вошла в шорт-лист премии «Новая детская книга» и получила множество положительных отзывов ещё до публикации.

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-07988-0

© Дробкова М., 2016
© Росмэн, 2016

Содержание

Глава первая,	7
Глава вторая,	14
Глава третья,	19
Глава четвертая,	26
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Дробкова

Имперский марш

© Марина Дробкова, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

В Бескрайнем заливе бусинами рассыпаны острова – Спящий архипелаг. Его не видно с Большой земли, и не только потому, что он слишком далеко от берега, ведь залив в самом деле простирается на многие-многие километры. Но еще и потому, что эти острова закрыты от чужого взора Заслоном – особым волшебством, которое существовало здесь всегда, со времен образования самого залива Бескрайний. Островов всего четыре: Рока-Алада, Центральный, Безымянный и Светлоярск. Рока-Алада – единственный остров, верхушка которого чуть-чуть видна с берега зимой в ясную погоду. Он был открыт давным-давно чужеземными мореплавателями, поэтому и носит иностранное название. Безымянный до сих пор необитаем. Центральный остров крупнее других, из-за него со Светлоярска, самого дальнего из островов, не видно материк.

На острове Светлоярск улицы расходятся от площади веером, ветвятся на переулочки, словно крона дерева. А ствол – широкая дорога – ведет к городу за Воротами. Они всегда закрыты, туда войти нельзя. Светлоярск – красивый остров, таинственный остров, печальный остров.

Первое, что я помню из детства, – прохладную ночь.

Мне и брату по полтора года, и мама бежит с нами на руках по берегу озера. Обычный человек запоминает себя лет с трех, так мне говорили. Но я почему-то помню все гораздо раньше, чуть ли не с рождения. Бежать маме трудно, мы довольно упитанные дети. Кругом, наверное, лес – елки, елки, елки... Пахнет мхом – я потом узнаю, что это мох. И луна круглая и желтая, как тарелка каши. Вдруг на луну набегает тень большой птицы – кто-то гонится за нами. Брат чувствует это, как и я, и начинает плакать. Мне почему-то не страшно, только очень жалко его. И маму тоже. Но я еще не понимаю почему.

Хищные птицы настигают, кружат над нами, снижаются, распластав огромные крылья. Мама останавливается, в страхе прижимая нас к себе. Наконец одна из птиц ударяется о землю, и перед нами словно вырастает человек.

– Гражданка 12-М. А., остановитесь! Юниор-полиция!

Молодой парень в форме – это сейчас я понимаю, что ему было не больше семнадцати-восемнадцати лет, а тогда он казался взрослым дядькой, большим и страшным, – тычет маме под нос блестящий полицейский жетон, на нем растопырила крылья та самая хищная птица. Орлан. И юниор-полицейских не называют иначе как орланами. Двое других тем временем тоже принимают человеческий облик.

– Не усложняйте своего положения. Отдайте детей, и мы отпустим вас.

Дядька-полицейский говорит очень сердито, так мне кажется. Двое других молча стоят рядом. Один – между мамой и озером, другой загораживает тропинку, по которой мы бежали. Мой брат перестал плакать и теперь грызет кулак, сверкая глазами на полицейского.

– Ну же, сделайте это, вам самой будет легче, – говорит орлан уже мягче.

Мама медленно опускает нас на землю. Мы стоим, вцепившись в ее ноги.

– Алеша, иди к дяде, – говорит мама бесцветным голосом и гладит брата по светлым волосам.

Тот удивленно задирает голову и смотрит на маму, но потом послушно идет на руки к полицейскому.

– Вот и молодец, мужчина! – говорит орлан, подхватывая брата. – И девочку тоже, уважаемая.

– Как? Почему?!

– В этом виноваты только вы, – строго говорит полицейский. – Если бы вы сразу отдали сына, а не бросились в бега, девочка была бы с вами. А теперь вы преступница, и по закону вам полагается год тюремного заключения. Но мы сделаем вид, что вы передали детей добровольно, и просто отпустим вас.

– Умоляю вас... – стонет мать.

– Не нужно умолять. Если я сейчас отдам вам ребенка, меня самого отдадут под суд, и вам это не поможет, – твердо говорит орлан. – Иди ко мне, девочка.

Не знаю, почему я пошла. Не заревела, не вцепилась в маму. И когда полицейский взял меня на руки, не расцарапала ему нос и даже не стала пинаться ногами. Он взглянул на меня, а я... притихла. Брат повеселел, увидев меня снова рядом, заулыбался, начал болтать. И только мама стояла одна на скользком берегу и смотрела, как нас уносят.

Что было дальше я, конечно, видеть не могла. Узнала гораздо позже.

Из озера медленно-медленно, одна за другой, вышли белые девы печали, освещая путь тусклыми фонариками. Они покачивали головами и негромко пели, протягивая моей матери руки, чтобы забрать ее к себе.

И мама пошла с ними.

В тот день я видела последний раз не только маму, но и брата. Следующим же утром Алешу отдали в другую семью – богатую и благополучную, где его могли не только накормить и одеть как следует, не только дать красивые развивающие игрушки, но и учить у лучших учителей, а если заболит – лечить у лучших врачей.

Об этом говорили при мне няни из интерната. Они думали – я не пойму и не запомню. Мне было полтора года, и я действительно не понимала, что такое усыновление.

Но через несколько лет я вспомнила все. И захотела разыскать брата.

Глава первая, в которой мы впервые заглядываем в интернат

Аня

– Раз, два, три! Ната, Аня, Слава, вместе!

Мы с Наткой Каравановой завизжали, одновременно прижимая ладони к двери. Славка сделал то же самое, но молча, с достоинством.

Под руками тут же засветилась картинка, и мы нетерпеливо отдернули их.

– Ха-ха-ха! А вот нетушки вам! – злорадно закричала Юлька.

Славка нахмурился и засопел.

Поверх облупившегося лака красовалось изображение невиданной зверюги с рогом единорога, хвостом дракона и пузом какой-то птицы. Ну почему мы всегда в разных командах! Чтобы быть в одной, части должны совпасть целиком.

Толпа собравшихся вокруг загалдела.

– Опять у меня орлан, – пробормотала Ната.

– Это не орлан, а феникс! – возразила я.

– Феникс – огненный. А этот серый. Почему у всех всегда разное, а у меня – одно и то же?

– Да ладно. Орланы же – здорово!

Виталик, наш ведущий, подошел и хлопнул Натку по плечу. Надо же, как у него голос за последнее время изменился, все не могу привыкнуть. Басит, как водосточная труба, если в нее крикнуть.

– ...И они существуют, в отличие от всех остальных. Так что тебе опять везуха выпала, сестренка!

Натка заулыбалась. Виталик уже почти выпускник, он умеет поддерживать. К тому же сам бредит орланами и полетами.

– Запомнили свою картинку и отошли. И последняя тройка! – скомандовала Лялька.

Они с Виталиком первый раз не участвуют – решили, что уже большие, и все-все пазлы, какие выдает нам механизм, собирали по многу раз. Ну и ладно, даже веселее, что ведущие – они, а не взрослые. Да Лялька еще подстриглась «под Виталика», совсем коротко. Теперь они два одинаковых ежика, без смеха не взглянешь.

Единорог – это супер! Там не такие уж сложные задания, но мне нравится сам зверь. Он такой красивый. Милый! По этому поводу надо обязательно сыграть на губной гармошке.

Я зашарила по карманам. А гармошки-то нет, она осталась в спальне. Ирина Андреевна, наша директор, попросила меня не брать гармошку на игру, чтобы не устраивать лишнего шума. А по-моему, все так вопят, что от музыки хуже не стало бы. Может, наоборот, успокоились бы! Но директора не переспоришь. Ладно, хоть феньку сплету в честь единорога...

Булавка, на которой болтаются нитки, всегда приколоты к карману. Если карманов на одежде нет, прикрепляю изнутри к подолу. Если же я в штанах и без карманов... Вы где-нибудь видели штаны без карманов? К сожалению, я тоже видела. Пришлось прорезать. Класть, правда, туда ничего нельзя, а вот прицепить булавку с нитками – легко. Запустил руку в прорезь и вытащил, если надо. Натка тоже раньше плела феньки, и булавка болталась у нее прямо сверху, на виду. Но Ванька с Олежкой всегда норовили дернуть и оборвать, а Натка сердилась. Сейчас ей не интересны феньки, она предпочитает рисовать домики и всякие замки.

Но феньку сплести тоже не удалось, поскольку меня тут же толкнули под локоть. Наш драконо-орлано-единорог выключился, и к двери ринулись следующие участники: сестры-близнецы Нагорные и Юлька, деловито отбросившая назад толстую косу.

– И-и-и – раз! – воскликнула Лялька.

Девчонки прижали руки, вспыхнула новая картинка. Ну, я уже и так вижу: вот он, мой оставшийся единорог, под ладошками близнецов. Что бы ни делали, с кем бы ни подходили на жеребьевку, в каком порядке ни становились бы рыжие двойняшки, у них всегда совпадает изображение. Мы играем в пазлы три раза в году, так включается механизм: в первое воскресенье сентября, января и июня. На Новый год в развлечении участвует весь интернат, включая взрослых, а в остальное время – только школьники с шести лет. Это наш праздник. Близнецам сейчас десять, и они еще никогда не были в разных командах. Механизм чувствует их, что ли? Или они его.

– А у меня – сколопендра! – гордо провозгласила Юлька, убрав руку.

Да уж. Есть чем гордиться. Ей достались двое малявок в команду. Правда, за сколопендру дают дополнительные фрагменты пазла – задания сложные. Но решать их Юльке придется самой, шести- и семилетка ей не очень-то помогут.

Лялька по привычке почесала бровь с пирсингом, но, спохватившись, отдернула руку и важно произнесла:

– Все подошли к своим командам! Приготовили мешочки! Первый этап, как всегда: фен-рир – склад, феникс – музыкальный зал, орлан – кухня, дракон – чердак, сколопендра – подвал, юникорн – здесь. Картину, как в прошлый раз, собираем на рояле!

– Удачи! – прибавил Виталик.

Вся толпа, включая семь человек старших – от одиннадцати до четырнадцати лет – и восемь младших, от шести до восьми, рванула по коридору. Осталась только наша команда: я и Лиза с Вкусиком. Они с этого года тоже считаются старшими. А мне скоро тринадцать, как Славке.

В интернате есть еще двое малышей, им по три года, и они с нами не играют. Учителя тоже не пришли, полностью доверив мероприятие Виталику и Ляльке. Возможно, кто-то присоединится позже, когда мы все будем собирать пазл из кусочков. Но сначала эти кусочки надо добыть – и не задаром.

– Ну что, сестренка, – подмигнул мне Виталик. – Твоей команде повезло. Начнете с развалин.

Лиза с Вкусиком, рыжие близнецы в одинаковых коричневых платьицах, делающих их похожими на мартышек, тихонько взвизгнули от страха и восторга. Виталик налег плечом на дверь, и та открылась.

– Аккуратно, по стенке – сразу налево! – напонила Лялька. – Не забыла, где выключатель, Насекомое?

Я мотнула головой: конечно, мы помним. Хотя и не заходили в эту комнату с декабря: тут провалился пол. Ничего опасного нет, комната на первом этаже. Но если попасть в яму ногой, запросто можно заработать вывих, а то и перелом.

– За мной, команда! – сказала я и осторожно, боком, проскользнула в бывшую библиотеку.

Близнецы, держась за руки, двинулись следом. В комнате стоял запах пыли и старой бумаги – мы вынесли отсюда не все книжки, в дальнем углу остался один полный шкаф. Шаря по стене в поисках выключателя, я услышала тихий голос Ляльки:

– Оставим их одних, справятся?

– Погоди, – ответил Виталик еще тише, но я услышала. – Подстрахуем все же. Там такая дырища...

Беспокоился он, конечно, зря – мы не рухнем. Я-то уж точно: услышу, если ноге вздумается ступить на опасный участок.

Дотянувшись до кнопки, я щелкнула выключателем два раза подряд. Свет не зажегся. Мы замерли. Близнецы даже дышать перестали. Стало тихо-тихо, издали долетали обрывки разговоров и смех других команд. Наконец в глубине стены загудело, и ниже выключателя обо-

значился прямоугольник. Затем он засветился, и на поверхности стены проступила надпись: « $x / 0,5 = 8$ ». Ну с этим заданием легко справятся близнецы. Без моей помощи.

– Ой, совсем просто! – воскликнула Лиза, будто услышав меня. – Руна означает...

– Стой! – поспешно сказала я, поскольку почувствовала, что Викусик готова возмутиться. – Давайте вы обе скажете мне на ухо, что означает руна, а?

Они закивали. А потом одновременно крикнули мне в уши:

– Четыре!

– Правильно, – поморщившись, ответила я. Едва не оглушили!

Механизм был согласен с таким ответом. Надпись погасла, зато из стены выдвинулся ящичек. Двойняшки одновременно запустили туда руки и вытащили фрагмент пазла величинной с половину их ладони.

– Эй, не порвите! – предупредила я.

Свет наконец зажегся, и мы принялись рассматривать кусочек мозаики.

– Карта? – с сомнением спросила Викусик.

– Сама ты карта! – пихнула ее Лиза. – Не видишь, это кусок ноги!

– Эй, юникорны, вылезайте! – позвал Виталик. – Сюда уже фенриры несутся.

– Идемте, после разбираться будем! – решительно заявила я, отобрав у сестер пазл. Иначе так и будут стоять и спорить. – Теперь кухня, Ляль?

Мы вышли из комнаты, я убрала «добычу» в мешочек, привязанный к поясу, а на наше место уже спешили Женек с Ванькой и девочка-шестилетка. Я еще не запомнила, как ее зовут, она всего два дня в интернате.

– Конечно, ты же наизусть все уже знаешь, – ответила Лялька, не глядя на нас. Она выжидающе смотрела на Виталика.

Но некогда было выяснять, чем все кончится. Свет в комнате остался гореть, мимо нас, как вихри, пролетели мальчишки. Новенькая девочка еле поспевала за ними. Надеюсь, они ее не уронят.

А мне надо было как можно скорее вести команду к следующему этапу – ведь мало собрать пазлы, нужно еще прийти первыми, чтобы победить. Тогда будет приз.

Кухня стояла пустой – предыдущая команда уже отправилась на чердак. Свет так же не горел. Но стоило подумать, что тут опасаться нечего, как позади меня раздался оглушительный грохот: кто-то из близнецов налетел на стол, и гора кастрюль разлетелась по всему полу.

Викусик – это была она, я почти не сомневалась, потому что Лиза поспокойнее, – взывала не хуже фенрира.

– Слушайте, ну почему вы вечно влипаете в истории? – рассердилась я. – Собирайте кастрюли, задачу я сама решу!

Пока сестры наперегонки ползали по кухне, я дважды щелкнула выключателем, и все повторилось. Только задание в прямоугольнике было таким (сжавившись, я прочитала его вслух):

– «Скорость орлана, летящего над ущельем по ветру, равна А. Скорость плывущего над этим ущельем облака равна В. Какое расстояние пролетит орлан за три часа в тихую погоду?»

– Ань, а как выводить эту руну? – спросила Лиза, выпрямляясь с кастрюлей в руках.

– Ну давайте думать, – вздохнула я. – Как выводить руну расстояния, если мы знаем руны скорости и времени?

– Скорость – это руна расстояния, пройденного за один час! – крикнула Викусик. – Надо продолжить ее во времени!

– Правильно. А мы знаем скорость орлана в тихую погоду?

– Нет, – ответила Лиза. – Мы знаем только скорость орлана по ветру и скорость ветра. Это то же самое, что скорость облака, потому что облако, в отличие от орлана, не машет крыльями!

– Точно! И как теперь найти скорость, которая нам нужна?

– Убрать из скорости по ветру руну ветра? – предположила Лиза.

– Конечно! Вот видишь, ты сама все решила.

– И вовсе не все! – возразила Викусик, не прекращая греметь крышками. – Если мы из руны А убрали руну В и получили скорость в тихую погоду, нам надо еще продлить ее во времени – и будет три руны А без В! Значит, скорость орлана в тихую погоду обозначается тремя рунами А без В!

Викусик, конечно же, была права, и механизм тут же отреагировал: ящичек выехал из стены, открылся, и мне осталось лишь достать фрагмент пазла.

– Это явно чей-то глаз! – произнесла я вслух. – И что-то я не узнаю картинку.

– Да ладно, бежим, и так время потеряли, – вздохнула Лиза.

– И что, я теперь виновата, да? – вскинулась ее сестра.

Я не стала тратить время на то, чтобы мирить их, просто убрала пазл в мешочек и быстрым шагом вышла из кухни. Двойняшки потянулись за мной. Нас ждал чердак.

С командой «орланов» – Наткой и двумя младшими мальчиками – мы столкнулись на черной лестнице. Пришлось им жаться к перилам, а нам с силой протискиваться вверх. В результате я, кажется, отдала кому-то ноги. Но на нас не обиделись – игра же. Борьба! Все хотят успеть. И победить.

Чердак у нас перетянут бельевыми веревками – здесь мы сушим одежду после стирки. А еще тут иногда можно спрятаться, когда не хочешь никого видеть, если надо, например, пореветь или поссорился с подружкой. Или с другом. Мы с Наткой не ссоримся – как-то не из-за чего. Но несколько раз я на нее тут натыкалась, и глаза у нее были на мокром месте. Но вот с кем она ссорится? Не говорит. Что же касается Славки, то мы с ним ссоримся довольно часто, но реветь из-за этого я не стану, вот еще! Пусть сам ревет, если ему надо.

Близнецы тоже сюда бегают. Вдвоем. Они даже режут вдвоем, поссорившись друг с другом. Никак не могут расстаться.

Задание, подброшенное механизмом, оказалось несложным, но длинным.

– Цепочки заклинаний! – воскликнула Лиза и закружила Викусика на месте.

И точно: надо было прочитать заклинания, сначала восстановив порядок букв, а затем выбросив лишнее слово. Верхняя цепочка выглядела так: «Убд, ябраин, ришокен, ленк, тшанак».

Я не стала с этим возиться, предоставив свободу сестрам. Совершенно очевидно, что лишнее тут – орешник, потому что это не название дерева, в отличие от остальных. А ниже там еще девять строчек.

В распахнутое слуховое окно задувал ветер. Я подошла, чтобы закрыть его... и услышала голоса. Кто-то сидел на крыше и тихо разговаривал. Один голос принадлежал Ляльке. Вот уж не думала, что Лялька лазает по крышам, да еще в то время, когда надо проводить игру! А второй, плачущий, я никак не могла узнать.

– ...Даже не смотрит! Мимо прохожу – отворачивается. Если прошу помочь – поможет, но старается побыстрее отделаться, – говорил плачущий голос.

– Да он же просто занят! – возражала Лялька.

– А я разве – нет? Но я всегда могу найти для него время! А он... Он меня ни видеть, ни слышать не хочет, – плакал голос.

Да кто же это? Не пойму. Маша? С кем бы еще Лялька стала болтать? Но на Машу голос совсем не похож. К тому же сейчас Маша должна быть с командой фениксов – да все сейчас с командами! Лялька одна свободна. И кто такой «он», интересно?

– Ну подожди. Может, он не знает, как ты к нему относишься? – участливо спросила Лялька.

– Конечно не знает! – горячо зашептал голос. – Разве я могу об этом сказать? Я лучше умру! Я вообще никому не могу сказать, понимаешь? Я и тебе не должна говорить. Но просто... нет больше сил...

Голос совсем расплакался. Лялька начала бормотать что-то утешительное. А мне стало неловко подслушивать чужие секреты, и я отошла от окна, передумав его закрывать. Если Лялька и та, кто с ней, влезли на крышу отсюда, они не смогут спуститься.

– Вам помочь? – окликнула я близнецов, увлеченно обсуждающих варианты.

– Нет! Не надо! – не оглядываясь, воскликнули они одновременно.

Тем лучше. Наконец-то я могу передохнуть и сплести феньку.

Прислонившись к стене – голоса из слухового окна уже не доносились, – я выдернула из прорези на месте кармана спортивных штанов булавку с нитками. Единорог как-то отодвинулся на задний план, зато из головы не шел разговор на крыше. Девушке, которая рассказывала, было так грустно – она даже плакала. А грусть однозначно зеленого цвета: тоска зеленая. А еще там была, видимо, любовь. Любовь у нас будет белая – как платье невесты. И третье – тайна. Она ведь не хотела никому говорить. Боялась. Тайна у нас темно-фиолетовая... Или там был страх?

Я на секунду задумалась. Ну, все равно, страх – тоже фиолетовый. Или черный? Нет, черный, это когда совсем все плохо...

Остальные нитки – красные, черные, коричневые и желтые – отодвигаем в сторону, в этой фенечке они мне не понадобятся. Эх, где бы взять еще ниток... И бусинок совсем не осталось...

– Ань, мы закончили! – объявила Лиза.

Подтверждением служил скрип выдвигающегося из стены ящичка.

Поспешно приколов начатую феньку на место, я подошла к близнецам. Они уже протягивали мне очередной кусок пазла: на нем отчетливо определялся фрагмент меча. Самый кончик. Мы переглянулись. Такой картинке никто из нас точно не собирал.

– Бежим в подвал!

Викусик ринулась вниз по лестнице, увлекая за собой спотыкающуюся Лизу.

– Да подожди ты, я же упаду! – раздался голос Лизы далеко внизу, и я поняла, что тупо стою и разглядываю этот меч, когда надо галопом нестись за следующим заданием.

Спускаясь по лестнице, я не стерпела и все-таки кинула взгляд наверх, чтобы узнать, кто же будет слезать с чердака, кто болтал с Лялькой. Вот в проеме люка показалась она сама, а следом... Даша, наша учительница! «Филологичка», как мы привыкли ее называть. Она же воспитательница младших. Вообще, конечно, ее положено называть Дарьей Павловной, но она совсем недавно учительница, и мы иногда об этом забываем. Вот так-так! Это у нее, значит, несчастная любовь! К кому?!

– Аня, ну где ты там? – послышался недовольный голос Лизы, и я заторопилась к своей команде, выбросив филологичку Дашу с ее любовью из головы.

Задание в подвале оказалось самым сложным: нужно было составить пропорцию для волшебного зелья. Близнецы только вытаращили глаза. Я бы тоже не справилась, если бы в прошлый раз нашей команде не досталось нечто похожее. Тогда с нами был Виталик, и он объяснил, как это делается. Сейчас на месте старшей оказалась я – мне и учить близнецов. К слову сказать, если команда не может пройти этап, она просто движется к следующему без пазла. Тогда все недостающие пазлы в конце получают победители – те, кто справятся быстрее всех. Раньше иногда механизм высыпал первым закончившим целую стопку фрагментов. Но в последнее время все стали упорными, никто не любит пропускать задания – сражаются до последнего. И чаще всего решают в конце концов. Ведь это же интересно, на уроках такого не проходят! Это не филология, не рисование, не физкультура. Волшебные руны, заклинания, зелья... Говорят, раньше были еще артефакты, надо было рассчитывать размеры. А Славка

утверждает, что можно было даже строить замки! Но с артефактами теперь заданий нет, а про замки Славка явно привирает. За ним это в последнее время водится.

Выполнив и эту задачу, мы получили пазл, который очень напоминал картинку, доставшуюся Натке: на фрагменте были только серые перья и ничего больше.

– Про орланов? – вопросительно посмотрела на меня Лиза, пока я прятала и этот трофей.

– Видимо, да, но тогда при чем тут меч...

– Ну там же был еще кто-то с глазом и с ногой! Это точно человек.

– Как будто орланы – не люди, – пожала плечами я.

Но всю дорогу до склада я размышляла о том, что Лиза права. Интересно, какую легенду мы услышим сегодня, когда соберем изображение целиком.

На складе механизм предложил нам всего лишь определить количество. Просто количество, неизвестно чего. Нужно было увеличивать, уменьшать, распределять и объединять. Выполняли все вдвоем, по очереди и одновременно. Получили результат, но ящик с пазлом не выдвинулся. Значит, ошиблись. Пришлось переделывать.

В результате угловой кусок с еловой веткой нам все-таки достался, но контур, из которого выезжал ящичек, тут же загорелся красным: это означало, что последнее, шестое, задание мы сделать не успели. Наш пазл перейдет к победителю.

– Ну вот, проиграли, – затянула Викусик.

– Просто не выиграли, – вздохнула я. И решительно прибавила: – В следующий раз поставимся быстрее, вот и все.

Главное – командный дух, говорит наш физрук. Особенно, если вы не победили.

Мы двинулись по лестнице на второй этаж к музыкальному залу. Если честно, от него осталось одно название да запертый на ключ рояль, на котором вот уже несколько лет не играли, – никто не умеет. Здесь у нас проходят всякие торжества, но, к сожалению, без музыки. Только недавно я научилась немного играть на губной гармошке, но это не то.

В зале ярко горел свет. Вокруг рояля уже расположились Лялька с Виталиком, наша директор Ирина Андреевна и учитель рисования Ярослав Игоревич. Больше из взрослых никто не пришел, а команды потихоньку подтягивались, подходили и высыпали пазлы прямо на рояль. Здесь уже «фениксы», «фенриры», «драконы»... Кто же из них победил? Остальные опаздывают, значит – не они.

Одновременно появились две оставшиеся команды: «сколопендры» во главе с Юлькой и Наткины «орланы». Юлька сердито кинула пять фрагментов на рояль и отошла в сторону – они, как и мы, тоже не успели сделать последнее задание. А Натка и ее пацаны... Они тащили пазлы в руках! Когда я увидела, сколько у них кусков, сразу поняла, кто победитель. Мало того что они выполнили все свои задания и получили пазлы за те команды, которые не успели! Картинка обычно рассчитана на десять команд, значит, кусочков должно быть шестьдесят, оставшиеся механизм тоже выдает той команде, которая успевает справиться с шестым заданием. Но тут было явно не шестьдесят, а штук сто! И «орланы» буквально раздувались от гордости, волоча все это. Потому они и задержались, ведь ящичек маленький, выдает частями. Я видела, как взлетели вверх брови у Ирины Андреевны, как Юлька разинула рот, а Виталик застыл на месте. Кто-то во все горло заорал: «Вау-у!» Натка вздрогнула от этого крика и рассыпала пазлы.

И мы все дружно ломанулись их подбирать.

...А потом складывали картину прямо на полу потому что рояль оказался маловат. Но сначала тетя Лена, наша повариха, внесла огромное блюдо с вафлями и вручила команде победителей. Вообще-то, конечно, это не совсем честный приз, потому что «орланам» пришлось делиться с остальными – ведь эти остальные, то есть мы, ходили вокруг них хороводом и заглядывали в глаза. В результате пацанам из Наткиной команды досталось по одной штуке, а Натке вообще половинка, и то потому, что я успела вовремя ухватить последнюю вафлю перед носом у Юльки и поделилась с подружкой. Но я никогда не видела Натку такой счастливой, как сегодня.

Вафли исчезли в один момент, и мы занялись картиной. Фрагментов оказалось сто двадцать – то есть в два раза больше, чем всегда! Ирина Андреевна и наш учитель тихо переговаривались – казалось, они тоже удивлены. Вообще этот механизм – загадочная штука. Никто не знает, кто и когда его сделал. Он просто всегда был.

– Слушайте, но это же не орлан, – подал голос Славка, когда полкартины было собрано. – Орлан либо птица, либо человек, а это...

Славка был прав. Человек, сложенный из кусочков, был с крыльями. Орланы так не могут: они либо одно, либо другое.

– Может, мы не туда их приставили? – подал голос Ванька, но его никто не поддержал. Видно же, что туда.

– А вот мы сейчас соберем, и Ирина Андреевна нам расскажет, да? – воскликнул Женек.

– Не знаю, ребята, – покачала головой директор. – Это что-то новое для меня.

– Как?!

– Так же неинтересно! – послышалось со всех сторон.

– Вы собирайте, собирайте, – подал голос Ярослав Игоревич. – Может, мы и так все пойдем.

...Но мы не поняли. С собранного пазла на нас смотрели два воина, скрестившие мечи в поединке. Один из них был человеком с крыльями, другой – волшебником. Только у волшебников бывают такие плащи. А вокруг был лес – наш лес, с такими же соснами, рябинами и орешником.

Ирина Андреевна так и не рассказала легенду – утверждала, что не знает. И у орланов не спросишь – им нельзя рассказывать про игру. Никому нельзя. Никогда.

Картина была такой красивой, что мы дружно умоляли директора разрешить оставить ее до утра.

Но она, как всегда, не разрешила. Пришлось сломать. А так жалко!

После этого мы все отправились на ужин. Он и так сместился из-за игры. Поэтому почти сразу после ужина – спать.

Но меня это не расстроило. Потому что я-то сразу спать не собиралась, у меня было запланировано одно очень-очень важное дело.

Глава вторая, в которой мы поближе знакомимся с Аней Пчелкиной

Аня

Наш интернат «Зеленый угол» построен у самого леса. Здесь чистый воздух и тихо, только кричат на деревьях сойки да стрекочут кузнечики по ночам. Здание, в котором мы живем, – старинное, с колоннами у входа, ажурным крыльцом и высокими полукруглыми окнами. Правда его давно уже не ремонтировали, и какого цвета раньше были стены – непонятно. Сейчас они бурые, с потеками от дождевой воды.

На башенке нашего интерната – она у нас одна, над центральными воротами, – торчит флюгер. Что он означает, я не знаю – какой-то двуногий карандаш и странная полукруглая линейка. От ветра он крутится и издает тихие звуки.

Говорят, все улицы нашего острова ведут в центр, где находится площадь.

Большие часы на площади играют мрачный марш. Сегодня мне пришло в голову: а что, если заставить их играть что-то другое? Ну хотя бы колыбельную, которую няньки поют младшим в интернате? «Крошка, спи, погасли свечи». Никто так и не смог сказать мне, что же такое «свечи». Видимо, что-то типа солнц, только их много и они маленькие. Это песня про другой мир, в ней не очень понятные слова. Но музыка красивая, вот бы часы играли ее! Думаю, я смогу изменить мелодию, если только взять губную гармошку. Один раз у меня получилось изменить отвратительный скрип входной двери на дилинь-дилинь. Никто не знал, что это я, все решили, что привратник наконец-то поменял пружину. А привратник и вовсе не заметил, он глуховат.

Самое сложное – улизнуть из интерната. Девчонки спят крепко, но в спальню может заглянуть дежурная. Придется сотворить сопелку.

В начале осени у меня всегда немножко насморк, воспитатели говорят – аллергия, но никто не знает, что это и как от этого избавиться. Я привыкла. Только Юлька раньше жаловалась, что по ночам я соплю и не даю ей уснуть, хотя мне казалось, что она быстро засыпает. Но, после того как Маша поменялась с ней кроватями, Юлька спит в дальнем от меня углу, и мой насморк ей больше не мешает. А Машу даже пушкой не разбудить. Что такое пушка, тоже никто не знает, но так говорят.

Лучше всего было бы сделать сопелку из будильника. В прошлый раз я засунула будильник под одеяло вместе с курткой, чтоб было похоже, будто я накрылась с головой, потом посвистела ему, и он так классно сопел! Когда дежурная заглядывает в палату, она не подходит к каждой кровати. Юльку видно от двери, Маша никуда не денется, она очень послушная. Опасаться можно только за меня. Но мое аллергическое сопение – гарантия того, что я на месте. А в тот раз, когда сопел будильник, я бегала в лес слушать дрозда. В городе дрозды не поют, а в лес ночью бегать нельзя. Приходится делать это тайком.

Но вчера Юлька, когда подметала, двинула стол, будильник упал и разлетелся на детали. Он и так-то чудом работал, потому что был очень старым, ведь я нашла его в кладовке среди хлама. Бестолковая Юлька, от нее одни неприятности! Починить я уж точно не смогу, но мне пришла в голову идея: взять в кружке авиамоделирования, у мальчишек, моторчик, он умеет жужжать. А если ему посвистеть, он тоже начнет сопеть, я уверена. Главное – завтра вовремя вернуть его на место, пока не хватились.

Я так и сделала. Стянула моторчик, когда пришла возвращать Славке «змейку». «Змейка» хорошая штука, из нее можно складывать всякие фигуры, но для сопелки она не годится – не звучит. Славка кивнул и даже не посмотрел, как я кладу змейку на стол. Ну я и воспользовалась – взяла, что мне нужно, и побыстрей свалила. Всю игру я не вспоминала об

этом. Но как только девчонки уснули, запустила моторчик, посвистела и, стоило ему перестать жужжать, изобразила сопение. Мой план сработал! Заряда хватит минут на тридцать. Надо успеть сбегать на площадь – тут рукой подать, – переучить часы и вернуться.

Перед выходом я достала из тумбочки маленькое зеркальце. На меня глянула худенькая девчонка с всклокоченными светлыми патлами, ртом до ушей, серыми глазами и длинными-длинными пальцами.

Да, это я, Анна Пчелкина, Насекомое, – так меня называют некоторые учителя, да и дети тоже. Кто-то зовет ласково, по-дружески, кто-то – обидно. Но я привыкла.

Фамилию мне дали в интернате – говорят, я жужжала, не переставая, как надоедливая муха. Но мальчик по фамилии Мухин в «Зеленом углу» уже был – Славка. Причем у него фамилия настоящая, от родителей. Сам Славка на муху ничуть не похож: молчаливый и скромный. И внешне вроде тоже ничего от вредной летающей букашки нет: глаза печальные, светло-голубые, волосы русые, всегда причесаны, уши слегка торчат. Славка как Славка, в общем.

Ну а меня сделали Пчелкиной...

Я пригладила волосы и убрала зеркальце на место.

Сунув в карман толстовки губную гармошку, вылезла в окно, осторожно прошла по карнизу, прижимаясь спиной к стене, и, лишь добравшись до соседнего окна, остановилась передохнуть. Это и следующие два – окна музыкального зала.

К среднему окну тянет ветви толстое корявое дерево, очень удачно растущее именно здесь, поскольку по стволу можно влезть на крышу. Сюда не выходят окна учительских спален – надеюсь, меня не увидят.

Я ухватила за ветки, подтянулась – оп! Вот и ствол. Еще немного ловкости – и крыша в моем распоряжении. Осталось только добежать, пригнувшись, до противоположного края, где закреплена пожарная лестница, с которой легко и удобно спускаться в переулок, – он-то и выходит на площадь.

Лестница оказалась жутко ржавой, недавние дожди полностью смыли остатки краски, и теперь все руки, а главное – спортивные штаны у меня в рыжих пятнах. Это очень плохо, надо как-то ликвидировать улики. Слово «улики» мне очень нравится, оно из рассказов про преступников и сыщиков. Мальчишки знают множество таких историй, особенно интересно их рассказывал Славкин друг, Димка, который, к сожалению, пропал несколько месяцев назад. Не вернулся с прогулки, и даже юниорполиция его не нашла. Я слышала, как воспитательницы шептались: «Вампиры!» Но я не верю. Чтоб вампиры утащили такого здорового лба? Да он бы им навешал в два счета! И кто пустит вампиров в черту города? Если они вообще еще не перевелись. Раньше жили в нашем лесу, я даже видела одного, но когда это было!

В переулке грязно – такое ощущение, что сюда вываливают мусор прямо из окон. Поэтому нас почти не выпускают одних в город, чтоб не подхватили заразу. Но мы все равно бегаем, конечно. Невозможно сидеть постоянно в интернате. Раньше, говорят, существовали какие-то больницы, где людей лечили, но теперь этого нет. Мы бодем редко, но уж если это происходит – настоящий кошмар.

Площадь вымощена круглым булыжником, на таком только сбивать ноги. Дома здесь старые, хотя и красивые, их тоже давно не ремонтировали. Чинят только часы на башне, мэр города почему-то ими очень гордится. Лучше бы не чинили: до поломки они играли музыку, которая называлась странно: «Эниомориконе», но нравилась мне больше. А теперь этот дурацкий марш.

Ночью людей на площади нет, что им тут делать. Разве случайно забредет поздний прохожий. Никаких преступников и вампиров здесь тоже быть не может, город охраняет полиция – ночной патруль, так их называют. Темнеет, но пока все видно, и фонари еще не горят – мэр экономит электричество. Включат, только когда наступит полная темень. Башня с часами сложена из красного камня. Во всем городе такая только она да еще кусок крепостной стены –

я знаю. Остров небольшой, и мы облазили его весь вдоль и поперек, не считая города за Воротами. Туда не попасть. Мы пытались, но ворота бьются током, не сильно, но неприятно. По правде сказать, я вообще не уверена, что за высоким гладким забором, которым огорожена часть острова, есть какой-то город. Если это так, почему не видно крыш домов? Да, забор высокий, но на острове есть дома повыше его. Как бы то ни было, никто не называет это место «неизвестно-что-за-забором». Все говорят «город за Воротами» или просто «новый город».

Я встала напротив башни и задрала голову: часы висят высоко.

Но это не должно было мне помешать.

Достав губную гармошку я стала старательно выводить мелодию той самой колыбельной, которую целую неделю тщательно разучивала. Часы начнут звонить через пару минут. Если они откликнутся на мою музыку все получится. Я дула, не жалея легких, ведь звуки должны быть не только чистыми, но и громкими. Наконец выбилась из сил. Теперь оставалось только ждать. Секунды тянулись медленно... Но вот наконец раздался первый тягучий удар и, к моей радости, с башни полилась мелодия колыбельной. Я запрыгала, захлопала в ладоши, затанцевала, ничего не замечая вокруг.

Внезапно кто-то схватил меня за плечи. Я вскрикнула от неожиданности. За спиной стоял незнакомый мальчишка – худой, исцарапанный, лет четырнадцати-пятнадцати, черные глаза так и сверкают на чумазом лице. Он был не из «Зеленого угла». И вообще, кажется, не из нашего городка. Тех немногих детей, что жили в семьях, я знала в лицо, этого же не видела ни разу.

– Ты – техно? – требовательно спросил мальчишка.

– Что? – удивилась я.

– Ладно, разберемся. Бежим, сейчас налетят орланы.

И, увлекая меня за руку, он бросился в переулок, противоположный тому, откуда я пришла.

– Стой, куда ты! Интернат – там!

– Сейчас не попасть в интернат, они тебя поймают. Молчи, а то быстро устанешь, все вопросы потом.

Мы бежали как сумасшедшие, я ничего не понимала. Позади действительно слышались свистки и вой сирены. Мальчишка нарочно выбирал узкие извилистые переулки – в полете орланам удобно на открытых пространствах, а лавировать между домами они предпочтут, конечно, на своих двоих. Не то чтобы я боялась полиции – совсем нет, с чего бы? Но, столкнусь мы с ними, меня привели бы в интернат под конвоем, пришлось бы объяснять, что я делала на площади, как ушла из спальни. И страшно не то, что недели на две лишили бы прогулок, а то, что разоблачили бы мою тактику и, главное, узнали про мои странные способности. И если в первом случае мне просто пришлось бы отказаться от такого удобного способа побега, то чем обернулось бы второе – неизвестно. Интуиция подсказывала: ничем хорошим.

Мы выбежали к самому заливу – я ни разу не гуляла одна так далеко. С учителями мы, конечно, были здесь много раз: купались, загорали на камнях, собирали раковины, даже пытались рисовать морские пейзажи.

Совсем стемнело, волны тихо пели, шурша о гальку. Из фонарей не горел ни один, и вода вдалеке казалась совершенно черной. Даже обломков скал, торчащих над водой сразу за буйками, не было видно. Луны тоже не было, только звезды висели низко, словно подглядывали за двумя непослушными детьми на берегу. Мальчишка подошел к воде умыться – он совершенно взмок, хотя был в майке и бриджах, не очень по сезону.

– Ты, в конце концов, скажешь, зачем в меня вцепился? – не выдержала я. – И кто ты вообще такой?

Мне тоже было жарко, я скинула толстовку, оставшись в футболке, и побрызгала водой на лицо.

– Сергей, – представился парень, на секунду перестав поливать голову водой из горстей. – А тебя как?..

– Анна. – Я пожала плечами.

Сергей выпрямился.

– Кто-нибудь знает, что ты так можешь?

– Как?

– Влиять на механизмы.

– Что-что? – поразила я.

– Это ведь ты заставила часы играть другую музыку! Я видел!

– Да, но просто... Я умею слышать мелодии. В ветре. В воде. В скрипе качелей. Иногда могу их переделать, например, у пружины, у будильника. Или как сегодня – у больших часов...

– Да? – усмехнулся мальчишка. – А мелодию ветра ты можешь переделать? Или только часов и будильника?

Я растерялась. А ведь правда: мне никогда не приходило в голову переделать мелодию ветра или плеска воды. Или попробовать переучить птицу. Не приходило, но я откуда-то точно знала: не получилось бы.

– Ясно: не можешь, – заключил Сергей. – Так кто-нибудь знает или нет? Хоть один человек? Только не ври, Аня.

– Вот еще! – возмутилась я. – Во-первых, почему я должна неизвестно с кем откровенничать?

– Я ведь представился, – возразил парень.

Я фыркнула.

– Назвал имя, и что? Откуда ты взялся? Я всех на острове знаю!.. А во-вторых, мне скрывать нечего. Никто не знает. Если б я кому-нибудь сказала, тут же растрепали бы по всему интернату, у нас же скучно! А мне это надо? Мне это не надо! – заявила я, мысленно удивляясь, как это я так внезапно выложила все незнакомому человеку? В интернате столько времени скрывала от всех, даже от Славки, не говоря уже про девчонок, а тут – раз!

– Это ты молодец, – похвалил Сергей. – Правильно, что никто не знает. Потому что, если об этом услышат орланы, жизни тебе не будет. Слушай, тебе надо уйти из интерната насовсем. Только не сейчас.

– Ты что, сумасшедший? – Я покрутила пальцем у виска. – Куда?

Я стала натягивать толстовку и тут только обнаружила, что в кармане нет гармошки.

– Дохлый гоблин!

– Потеряла что-то? – понял Сергей.

– Гармошку!

– Это плохо. – Его голос помрачнел. – Если найдут орланы, начнут копать, тогда...

– Да что ты все каркаешь: «орланы, орланы»! Может, она здесь где-нибудь...

Орланы – это оборотни. У них есть свой остров, Рока-Алада. Там они гнездятся, там тренируют молодых. Нам доступ на их остров закрыт. Они же почему-то могут жить на Светлоярске и следить тут за порядком.

Я стала ползать на четвереньках в темноте, шаря руками вокруг. С таким же успехом можно искать черную кошку в темной комнате.

– Ладно, погоди.

Внезапно возле моей руки запрыгало пятнышко света. Я быстро обернулась.

– У тебя был фонарик? И ты до сих пор молчал!

– Не ори. Тут бывает береговая охрана, и светиться совсем не обязательно. Но раз дело важное, ничего не попишешь. Можешь посвистеть?

– Зачем?

Сергей вздохнул.

– Ты хочешь найти гармошку или нет? Посвисти что-нибудь, что ты на ней играла.
Я просвистела: «Крошка спи, погасли свечи».

И тут Сергей что-то сделал с фонариком. Я не поняла, что, но пятнышко света вдруг сорвалось с места и побежало вдоль берега, потом унеслось вперед, в сторону улицы, откуда мы пришли, покружило там, метнулось в сторону...

– Что это? Как это? – пробормотала я, поднимаясь на ноги.

– Я тоже техно, – нехотя ответил парень. – О, смотри!

Пятно замерло, а с того места, где оно остановилось, донесся еле слышный свист гармошки.

– Бежим, она там.

Мы со всех ног припустили к пятну, и точно – гармошка лежала между камней. Я подобрала ее и погладила. Сергей провел над пятном рукой, и оно снова стало «слушаться» фонарика, который, впрочем, хозяин тут же выключил.

– Спасибо! А как это ты, а? – Моему изумлению не было предела.

– Поговорим как-нибудь в другой раз. Уже глубокая ночь, тебя надо вернуть в интернат.

Сергей так и не захотел рассказать, где он живет и откуда появился. «Будешь много знать – голова будет болеть», – заявил он, и большую часть пути мы прошли молча. Орланы нам попались лишь однажды, но Сергей вовремя заметил свет их фонариков – я бы ни за что не разглядела с такого расстояния, – и мы благополучно свернули на другую улицу. Еще раз взяв с меня обещание никому ничего в интернате не рассказывать, – я бы и сама не стала, тоже мне, советчик, – он проводил меня до самого дерева под окном.

– Я должен убедиться, что ты добралась живой, – серьезно сказал он в ответ на мои заявления, что уж от ближайшего переулка спокойно могу дойти сама.

Ну и ладно. Хочется ему играть в охранника – пожалуйста. Я уже ухватила за ствол, когда Сергей, наклонившись, прошептал мне в самое ухо:

– Если вдруг понадобится помощь – любая, – ищи меня там же, где сегодня.

– На площади? – уточнила я.

– В темноте, – еле слышно прошептал он. И буквально исчез. Я не успела заметить, как он ушел.

Стало немного не по себе, но я решила не придавать этому значения и полезла по стволу вверх.

Когда я оказалась в спальне, моторчик, конечно, давно сдох и не сопел. Но если дежурная и заходила, она ничего не заметила, иначе уже подняла бы на ноги весь «Зеленый угол».

Маша мирно спала, обняв подушку. А вот Юлька...

Я бесшумно разделась, повесила штаны и толстовку на спинку стула и нырнула под одеяло.

Я давно живу с Машей и Юлькой в одной комнате. Различаю их по звуку шагов. По звону их ложек о чашки могу определить настроение: скука, грусть, радость, нетерпение или просто дуракаваляние. И уж конечно знаю, кто как дышит во сне. Или – когда притворяется спящим.

Судя по Юлькиному дыханию, она не спала. И, кажется, уже довольно давно. Ну и пусть, мне-то что. Небось опять воображает, что я ходила со Славкой в лес.

Я тоже долго не могла уснуть. Все думала про часы – у меня ведь получилось! Про Сергея... про его удивительные способности... Надо обязательно встретиться опять, разведать, что он еще может. Вдруг и я чему-нибудь научусь.

Так, ворочаясь с боку на бок и думая про интересное, я, наконец, заснула.

Глава третья, в которой неожиданно слишком много воды

Аня

Утром меня разбудил радостный визг девчонок в коридоре. Не выспавшаяся после ночного приключения, я с трудом разлепила веки и, кое-как одевшись, выползла на галерею, куда выходят все двери на втором этаже. Преграждая мне дорогу, бежал тоненький ручеек. Мелкота из младшей группы шлепала по воде ногами, расшвыривая брызги во все стороны, и веселилась.

– Что это? Откуда? – закричала я.

Девочки, разумеется, не знали. Я бросилась в сторону, откуда начиналось наводнение. Нетрудно было догадаться, что след приведет в душевую. Из-под двери бежала вода, стоило распахнуть дверь – и навстречу хлынул целый поток. Девчонки, следовавшие за мной по пятам, завизжали еще радостнее и громче.

– Это совсем не весело, – строго сказала я. – Вы ведь не хотите, чтоб мы все утонули?

Девочки притихли и замотали головами. Тогда я послала более сообразительную позвать кого-нибудь из взрослых, и та сразу умчалась выполнять поручение.

– А ты сбегай за старшими мальчиками, – на всякий случай отправила я и вторую. Известно, кого найдут быстрее.

После чего храбро двинулась в душевую.

Воды здесь было по щиколотку – с учетом того, что часть уже разлилась по коридору. У стены, посередине между кабинками, от пола почти до потолка хлестал огромный фонтан. Я не сразу поняла, откуда он взялся. Стоило подойти ближе, и все стало ясно. Там тянулась узкая труба с холодной водой. Труба была очень ржавой, и рано или поздно ее должно было прорвать. Судя по размерам потопа, это произошло еще ночью либо на рассвете. Я подняла голову. Какое счастье, что не прорвало ту широкую трубу с кипятком, как однажды случилось на кухне. У поварихи тети Лены потом очень долго не проходили ожоги.

Дырочка в трубе была маленькой, я легко заткнула ее пальцем, и фонтан тут же отключился. Но вот беда: стоять вниз головой и кверху... другой частью тела было очень неудобно, а на помощь что-то никто не спешил. Пожалевав, что не поискала сначала хотя бы тряпку, я начала активно осматриваться, насколько позволяла моя поза. Заметив тряпку и ведро в дальнем углу, я, секунду поразмыслив, отпустила зажатое отверстие и устремилась туда. Но в этот самый момент в душевую ворвалась целая толпа – филологичка Даша, старшие девочки и малявки всей кучей, то есть совсем не те люди, которых я надеялась тут увидеть. А поскольку бежала Даша всю дорогу очень быстро и впереди всех, она-то и попала под фонтан в тот момент, когда я отпустила трубу. А так как росту она была невысокого, ее окатило с ног до головы. От неожиданности я даже остановилась.

– О мой бог, – только и сказала Даша, стряхивая с себя воду. – Дайте же кто-нибудь тряпку.

Я опомнилась и кинулась к ведру. Тем временем Лиза и Викусик Нагорные прижали дырку ладонями – разумеется, вдвоем, одна рука поверх другой. Маша выгоняла малышей из душевой, Лялька отряхивала воспитательницу, остальные в растерянности толпились рядом.

– Погодите, не отпускайте! – предупредила я сестер, присаживаясь рядом на корточки с тряпкой наготове. – Отпустите по моей команде.

Так они и сделали, – но нас это не спасло. Перевязать куском ветоши бьющий фонтан оказалось невозможно, мы втроем только вымокли до нитки, пытаясь это сделать. Викусик сразу заверещала: она не любит мокнуть. Под дождь только под зонтом выходит.

– Трубу надо перекрыть, – подала голос филологичка.

– Конечно надо! Где пацаны, где дядя Коля? – воскликнула я, все еще сражаясь с фонтаном. В конце концов, мне это надоело, и я снова заткнула дырку большим пальцем.

В прошлый раз трубу в два счета перекрыл привратник (он же слесарь, электрик, плотник и шофер нашего интерната. Он же муж тети Лены и папа Виталика).

– Ты забыла? – ехидно спросила Юлька. – Сегодня день привоза. Все ушли на пристань.

Ах да! Я действительно забыла. Пятого числа, раз в месяц, приходит паром и привозит нам разные нужные вещи. Но обычно дядя Коля берет с собой одного из старших мальчишек, чтоб быстрее, а в начале и конце учебного года, когда привоз особенно крупный, с ними едет директриса. Они отправляются к пристани на интернатской машинке и оборачиваются за каких-нибудь полчаса.

– Зачем же ушли все? – додумала я свою мысль вслух.

– Мафынка сломалась, – важно ответил самый младший из мальчиков Никитка, опять заглянувший в душевую.

– Да, – подтвердила филологичка Даша. – Поэтому пришлось идти всем, чтобы сразу взять весь груз. Ведь пешком не быстро, а паром ждать не будет. Сегодня просто день чрезвычайных происшествий. Девочки, надо спуститься в кухню, там есть еще ведра и тряпки, все равно придется вычерпывать всю эту воду.

– Я пойду! – вызвалась Натка и тут же зашлепала вон из душевой, на ходу скручивая длинные волосы в пучок и закалывая шпилькой.

Даша командовала дальше:

– Лиза и Вика, смените Аню, у нее уже рука устала. Осторожно, не облейте. Давайте будем меняться, пока не перекроют трубу.

– Но... мы же не можем стоять тут, пока они не вернутся! – в ужасе воскликнула я. – Может быть, кто-то из нас это сделает?

И тут же оглядела пеструю компанию. Мокрая насквозь филологичка, которая хорошо разбирается в стихах, но вряд ли что-то понимает в трубах.

Лизу с Викиком – даже если сестер кто-то сменит – искать кран лучше не посылать, они переругаются по дороге. Чудо, что до сих пор этого не случилось. Словно услышав мои мысли, сестры тут же начали пихаться, воюя за первенство у трубы.

Маша не в счет, она, наконец, увела подальше мелких, к облегчению воспитательницы. Юльке я бы не доверила такое важное дело.

Остается Лялька...

– Аня, ты права, – вдруг услышала я голос филологички. – Ты самая разумная, сходи, пожалуйста, в подвал, поищи там кран. Это должно быть под лестницей, рядом с библиотекой.

Ну что ж, сама напросилась. Кое-как отжав совершенно мокрую футболку, я вышла из душевой, столкнувшись в дверях с Наткой. И только успела услышать, как Нагорных на посту меняет Лялька.

Говорят, когда-то мэр жил в центральном доме на площади. Но сейчас этот дом пришел в такое жалкое состояние, что в нем не мог жить не только мэр, но даже дворник. О да, в городе имелся дворник! Он вместе с семьей обитал в крошечном, но симпатичном белом домике в одном из примыкающих к площади переулков. Жена дворника недавно побелила домик мелом, который получали из остатков ракушек, уж этого добра в приморском городке водилось с избытком. В отличие от большинства жителей острова, у дворника была работа – мэр платил ему деньги за то, что он убирал мусор с улиц и подметал площадь. Это позволяло дворнику воспитывать дома единственного сына, не отдавая его в интернат. У многих горожан возможности зарабатывать не было: они получали крохотное пособие, только чтобы прокормить себя и время от времени как-то обновить одежду. На острове были и пекарь, и портной. И

даже лодочник. Они тоже могли зарабатывать и жить с детьми, но зарабатывали мало, потому что людей, способных платить, на Светлоярске становилось все меньше.

А мэру построили дом на берегу залива. И построили явно не здешние мастера. Во-первых, потому что дом очень отличался от всех остальных зданий: у него не было ни башенок, ни стрельчатых или полукруглых окон, ни колонн – да вообще ничего красивого. Зато он был новый: прямоугольный, с зеркальными стеклами, с садом на крыше. Во-вторых, дом был в кратчайший срок свинчен из нескольких блоков, привезенных большим кораблем, – на том же корабле приплыли и смуглые строители в одинаковых комбинезонах; по окончании работ тот же корабль увез их обратно.

В этом домике у моря мэр не только жил, но и работал – так поступали многие правители, чтобы сберечь время и не обзаводиться слишком большой охраной.

И сейчас мэр восседал в мягком вертящемся кресле, привезенном на остров вместе с домом, поскольку мебельная фабрика давно закрылась, а местные мастера умели делать разве что табуретки, столы, рамы для кроватей и шкафы, но никак не мягкие кожаные кресла.

Ослабив узел галстука и расстегнув верхнюю пуговицу, упитанный мэр постукивал ручкой по столешнице дорогого дерева. Начальник охраны стоял перед ним навытяжку.

– Что там за история с часами? Случайность или кто-то постарался?

– Выясняем, господин мэр. Пока причина не установлена. Сегодня уже все в порядке: часы снова играют Имперский марш, – отвечал охранник.

– «В порядке!» Все-то у вас «в порядке», – проворчал мэр. – А вот я в этом не уверен. Надеюсь, вы не забыли, зачем я здесь поставлен? Не допускать возвращения техно!

– Я думаю, это все же случайность, – не очень уверенным голосом произнес начальник охраны. – Рандомный выбор, не более. Скорее всего в результате недавней починки...

– Что вы тут терминами бросаетесь? «Рандомный»! Говорите нормальным языком. – Мэр с недовольным видом откинулся на спинку кресла. – Будет очень неприятно, если орланы разносят что-то, чего не знаем мы. Тогда меня попросят отсюда. А вместе со мной – и вас.

– Мой долг – служить Империи, – отчеканил начальник охраны, щелкнув каблуками.

– Ну так идите и служите, – устало махнул рукой мэр.

Когда начальник охраны вышел, он еще долго бормотал что-то про «тупого солдафона» и чье-то нежелание работать. Потом нажал кнопку внутреннего вызова:

– Зайдите ко мне.

Вошла секретарша с блокнотом – немолодая усталая женщина. Мэр посмотрел на нее с грустью. Он с удовольствием поменял бы эту секретаршу на другую, помоложе и покрасивее, но не было возможности. Молодежь не умеет писать без ошибок, и тем более – печатать. Не говоря уж о том, что островитяне в глаза не видели такую вещь, как компьютер. Единственный компьютер, точнее, ноутбук, лежал в сейфе под кодовым замком и выдавался секретарше только тогда, когда было нужно составить письмо. Сам мэр смотрел на нем почту и новости с Центрального острова. Конечно, он предпочел бы знать, что делается на материках, но руководство архипелага не разрешало. Пока. Но мэр не терял надежду...

– Во сколько у меня сегодня встреча с горожанами? – пробурчал он, со скукой глядя в потолок.

Женщина глянула в блокнот:

– В восемнадцать часов на сцене летнего театра, господин мэр.

Мэр хмыкнул:

– Можно подумать, у нас есть еще зимний театр. Осенний театр, весенний театр. – Он все больше раздражался и не замечал, что размахивает руками. – Ответы подготовили? Опять ведь будут задавать те же вопросы.

– Конечно, господин мэр. – Женщина опустила взгляд.

– И еще. Ваша дочь, я надеюсь, делает то, что поручено? Сейчас это важно как никогда.

– О, не беспокойтесь, – заверила секретарь.

– Как я могу не беспокоиться, – взорвался мэр и хлопнул ладонью по столу. – Дети, дети! Дети подросли, неужели непонятно? Не сегодня завтра в ком-то из них может проснуться техноволшебник – и меня призовут к ответу. А вас с вашей дочерью, если что, выкинут на улицу. Так что на вашем месте я бы беспокоился.

Лицо женщины пошло красными пятнами.

– Д-да, конечно. Мы все сделаем как следует, господин мэр.

– Надеюсь на это. Идите пока. И сделайте мне мохито со льдом.

Когда секретарша вышла, мэр встал и включил вентилятор, заходил по комнате.

– И прозябаю же я в этой дыре, – процедил он сквозь зубы. Вытер платком пот со лба. – Но зато я здесь мэр! А там буду – никто.

Аня

Спускаясь по лестнице, я почуяла вкусные запахи из кухни. А ведь мы все сегодня даже не завтракали из-за этого потопа! Ну ничего, главное – быстрее закончить, а там и остальные вернутся.

Ключ от подвала висит всегда на гвоздике на самом видном месте, поскольку никаких секретов за дверью не скрывается. Отперев замок, я нашарила тут же сбоку висящий фонарик, включила и отправилась вдоль стены на поиски крана. Трубу найти было несложно, она тянулась на той же высоте от пола, что и в душевой. Кран – вернее, вентиль, – я тоже отыскала довольно быстро. Он действительно был под черной лестницей, которая вела из подвала в сушилку – на чердак. Но с вентиляем пришлось повозиться, поскольку он изрядно заржавел и отчаянно сопротивлялся. Упираясь ногами в стену и пытаясь, я в конце концов завернула его максимально вправо, после чего плюхнулась прямо на пол отдохнуть. И вдруг снаружи шелкнул замок! Я сначала не поверила. Потом вскочила и бросилась к выходу. Так и есть: заперто.

– Эй, откройте, здесь я! – крикнула я, замолотив ногами в дверь.

Никакого эффекта.

– Эй, что за шутки?

Я стучала, и кричала, и трясла ручку. Но снаружи как будто все вымерли.

– Да что ж это такое! – сказала я вслух и с досады пнула дверь в последний раз. Конечно, что удивляться: девчонки с воспитательницей сейчас усиленно вытирают пол, тетя Лена занята готовкой и не слышит, а Маша с мелкими может быть где угодно. Скорее всего – на улице. А дверь вполне могла захлопнуться от сквозняка.

Оглядываясь по сторонам и соображая, что же делать, я вдруг заметила, что из-под двери, ведущей в библиотеку, пробивается свет. Ища вентиль, я смотрела только на трубы, поэтому сразу и не обратила внимания. Какой же умник забыл погасить лампочку? Женек со своими «фенрирами»! Ну конечно, они вчера последними были в подвале. Я толкнула дверь и вошла в тесное помещение. Библиотека представляла собой склад, книги высились стопками у стен. Именно сюда мы перетасили их из той комнаты, где провалился пол. Шкафы пришлось оставить на месте, они все равно не влезли бы в эту каморку. Жалко, что теперь книжки лежат в пыли. Больше всего тут совсем детских: сказки, раскраски, про птичек, про собачек. Немножко учебников для начальной школы: буквари, прописи, природоведение. Для нас – домоводство, для мальчишек – столярное дело. И еще есть про любовь и про пиратов – эти читаны-перечитаны. А вот, в углу, учебники по физкультуре – это так смешно! Ну как можно учить физкультуру по учебникам, когда у нас такой замечательный физрук Саша. То есть дядя Саша, но старшим он разрешает обходиться без «дяди». Мы зимой с ним даже на лыжах ходим, хотя снег бывает редко.

Я провела рукой по корешкам: «Физкультура», «Физкультура», «Физика», «Физкультура»...

Стоп. Почему этот называется «Физика»? Приподняв два верхних в стопке учебника, я вытащила третий. «Физика. Десятый класс, – значилось на обложке. – Механика. Теория относительности. Электродинамика. Колебания и волны». Я начала листать книжку. Непонятные картинки. Незнакомые слова. Хотя...

Я перевернула очередную страницу.

Руны.

Это же руны! И заклинания! И еще всякое... Неужели я нашла волшебную книгу?!

Сердце заколотилось сильно-сильно, и я захлопнула учебник. Множество мыслей, обгоняя друг друга, мелькали в моей голове. Если это правда волшебная книга, то это же... Это же...

Но как странно она называется! И почему на ней написано «Десятый класс»? В школе не бывает больше девяти классов. Потом дети либо начинают работать с родителями, чтобы со временем занять их место – шить одежду, ловить рыбу, печь булочки. Либо остаются здесь воспитателями, как Даша и физрук. Либо... пропадают. Как Димка. А ведь до Димки пропадали и другие дети, просто это было давно и подзабылось.

А может, раньше был десятый класс, и в нем учили волшебству? Почему же сейчас не учат? Я еще повертела книгу в руках, размышляя над этим странным обстоятельством, потом сунула под футболку, выключила свет и вылетела из библиотеки. Это надо обдумать. Как следует обдумать. И спросить у кого-нибудь. Почему нам ничего не говорят? Скорее всего, учебник попал в эту стопку случайно, у него такой же белый корешок, как у физкультурного, а их никто никогда не читает. Возможно, он очутился среди них давным-давно. Но ведь откуда-то же он взялся!

Я остановилась перевести дыхание. Так нельзя, надо успокоиться. У меня еще будет время выяснить, откуда взялся учебник волшебной физики, а сейчас надо выйти из подвала.

Я еще пару раз ударила в дверь – безрезультатно. Впрочем, зачем тарабанить? Проще подняться на чердак и крикнуть оттуда. Наверняка наши уже вернулись, и будет кому услышать меня с улицы.

На секунду я задержалась, разглядывая замочную скважину. Наверное, я могла бы вспомнить мелодию замка – ведь мы регулярно пользуемся этой дверью, чтобы попасть с бельем на чердак, – насвистеть и открыть... Но я тут же выкинула эту мысль из головы. Сергей же предупреждал: никому не показывать свое умение. А если я на глазах у всех выйду из запертого подвала (с учебником неведомой физики под мокрой футболкой), это будет слишком... нестандартно.

Придется тащиться наверх.

«И кто только придумал сделать лестницу, которая не ведет никуда, кроме подвала и сушилки?» – думала я, топая по ступеням. Вот наконец и чердак. Хорошо бы повесить сушиться футболку, только в чем я выйду?

Я распахнула слуховое окно и выглянула наружу. Отсюда был виден кусок переулка, по которому как раз шагали все наши с ящиками и коробками в руках. Сейчас они завернут за угол и пройдут с другой стороны через главные ворота. Меня не услышат, кричать бессмысленно. К счастью, на спортплощадку высыпали малыши вместе с Машей – видимо, она уже успела покормить их завтраком. Я набрала побольше воздуха и приготовилась заорать, как вдруг в небе, прямо над нашим домом, мелькнула крылатая тень. Крик застрял у меня в горле. Птица плавно снижалась, делая большие круги, пролетела мимо моего окна, наконец спустилась и ударилась о землю. Малыши не оставили своих игр, когда орлан поднялся на ноги и ринулся в интернат через распахнутую дверь кухни как к себе домой. Юниор-полицейские для всех нас – не редкость. Патруль постоянно кружит над городом – над побережьем, над площадью, над парком у летнего театра. Но у нас они недавно уже были. Зачем этот новый визит? Неужели из-за вчерашнего происшествия? И почему-то орлан только один, такого раньше не случалось.

Пока я предавалась размышлениям, внизу наконец-то запел замок.

– Не закрывайте! – крикнула я в лестничный пролет и чуть не кубарем скатилась вниз.

А потом остановилась как вкопанная.

У выхода из подвала стояли наш привратник и комиссар юниор-полиции.

– Ну здравствуй, девочка, – сказал полицейский, впившись в меня взглядом.

В его лице, пожалуй, нет ничего птичьего. Но вот глаза... Так смотрят, мне кажется, хищники, перед тем как броситься.

– А я... тут... трубу перекрыла, – промямлила я, лишь бы не молчать.

– Сама перекрыла трубу? – с интересом уточнил орлан.

– Ну... да.

А что я еще могла сказать?

– Аня, ты же вся мокрая, а у тебя и так насморк. Марш переодеваться! – прикрикнул дядя Коля, выводя меня из оцепенения.

Исполненная благодарности к нему, я со всех ног бросилась подальше от этого страшного места.

В спальне растрепанная Юлька заплетала косу.

– Где ты была? – напустилась она на меня. – Мы там из сил выбились, пока вычерпали всю эту воду а ты балду пинала?

Первой мыслью было дернуть ее за косу. Но у меня под футболкой прятался волшебный учебник физики, который вряд ли стоило показывать Юльке.

– Вообще-то дверь захлопнулась, пока я в подвале возилась с краном. Думаешь, так просто закрутить воду? И кстати, не ты ли помогла ей захлопнуться, а?

Лучшая защита – это ведь нападение. Как учит наш физрук: главное, не давать противнику опомниться. Но Юлька тоже училась у нашего физрука. Она уперла руки в боки и применила другой принцип: «Делай лицо».

– Нет, не я! – ехидно заявила она. – Но большое спасибо этому человеку, потому что так тебе и надо!

– Да? – Я пожала плечами. – Ну так чем же ты недовольна?

Я спокойно направилась к своей кровати переодеваться. А Юлька еще пару секунд морщилась, видимо сообразив, что сказала что-то не то.

– А где ты ночью была, Насекомое?

Этот вопрос ткнулся в спину моей клетчатой рубашки, когда я уже праздновала победу. Оказалось – рано. К счастью, волшебную книгу я успела спрятать в тумбочку, а вот с ходу придумать логичное объяснение ночной отлучке не получалось. Застегивая верхнюю пуговицу я повернулась к Юльке:

– Во-первых, мне некогда, потому что я хочу есть и иду в столовую. Во-вторых, тебе какое дело?

Я решительным шагом направилась вон из комнаты.

– Да я тоже туда иду, – пропела Юлька. – И можешь не говорить, я и так знаю, где ты была. И с кем.

При этих словах мое сердце отчаянно застучало. Она знает про Сергея? Но откуда?

Пока я лихорадочно соображала, что бы ей ответить, мы уже дошли до столовой. Навстречу нам вышел физрук Саша.

– После завтрака бегом на рисование, а потом будет физкультура. Не перепутайте.

И он быстро ушел.

Это еще почему, интересно? Мы же должны были сегодня писать диктант. Неужели из-за того, что орлан здесь? Стоит им прилететь – тут же происходят изменения к худшему. Как-то раз – и навсегда – запретили собирать в лесу растения для гербария. Вроде как там опасно.

А что там опасного? По-моему, там нет никого, кроме птиц, духов и, возможно, одинокого беззубого вампира.

Глава четвертая, в которой говорится о том, что мир способен поместиться внутри шарика

Директору интерната Ирине Андреевне Каравановой было лет тридцать с небольшим. Все старшие девчонки завидовали ее густым иссиня-черным волосам, кудрявым ресницам и нереально тонкой талии. Ирину Андреевну можно было бы назвать ослепительной красавицей, если бы не покалеченная нога, из-за которой она сильно хромала.

Хромота была первой причиной, по которой директор не пошла на пристань. А второй причиной было то, что с самого утра Караванова ждала визита орланов и готовилась к нему. Она даже не приняла участия в ликвидации наводнения, хотя дом, в котором интернат ютился уже почти пятнадцать лет, был аварийным, и вода могла окончательно испортить паркет, а заменить его было нечем. Хотя они вообще могли остаться без крова. У Ирины Андреевны затеплилась была слабая надежда, что благодаря этому происшествию власти войдут, наконец, в бедственное положение интерната и предоставят ему другой дом, получше. Но надежда, не продержавшись и нескольких минут, умерла так же тихо и печально, как появилась. Мэру прекрасно известно, как обстоят дела, понимала Ирина Андреевна. И никто не поможет. Но это сейчас было не так важно.

Главное было другое. Колыбельную «Крошка, спи, погасли свечи», внезапно сыгранную поздно вечером курантами, слышал весь город. Ну, разве что, кроме детей, которые уже спали. Мелодия не взялась из ниоткуда, кто-то несомненно повлиял на часы. И это мог быть только один из ее воспитанников. Всякие случайности и прищельцы извне исключались.

Первое, что сделала Ирина Андреевна, услышав новую мелодию часов, – бросилась в спальни так быстро, как позволяла хромота. То есть, разумеется, она не стала врываться, словно фурия, в комнаты детей, будить их и требовать немедленного ответа. Она методично, без лишнего шума прошла по всем спальням старших, а затем, на всякий случай, и младших. Мелкота, все десять человек, сопели в кроватях. А вот из двенадцати старшеклассников четверых на месте не было. Еще двое старательно изображали спящих. То есть к происшествию могла быть причастна добрая половина.

Ирина Андреевна вернулась в кабинет с головной болью и единственной мыслью: «Кто?»

Кого предстоит потерять следующим? Или – всех? Нет, не может быть.

Директор налила себе полчашки неразбавленного настоя валерианового корня и залпом выпила. Потом встала перед окном, высматривая, не появится ли кто-то из детей на тропинке, и усиленно думая. Хуже всего было то, что, в отличие от прошлого раза, она совершенно не замечала ни в одном из подростков признаков техноволшебника. Просмотрела?

За дверью послышались шаги и тихий разговор. Ирина Андреевна с сильно бьющимся сердцем отошла от окна и выглянула в коридор. У дверей мальчишечьей спальни стояли Слава Мухин и его бабушка, прачка. Та поцеловала внука и спокойно направилась к лестнице, а мальчик скрылся за дверью. «Ну что ж, – с некоторым облегчением подумала директриса, – хотя бы один из четверых реабилитирован. Он, оказывается, был с бабушкой. Остаются трое».

Тут в окно осторожно постучали. Ирина Андреевна быстро обернулась. За стеклом, очевидно приставив к стене дома садовую лестницу, маячил физрук Саша и делал ей отчаянные знаки. Директор поспешила к окну подняла раму и учитель ловко перекинул ноги через подоконник.

– Александр Анатольевич, вы с ума сошли? – сердито прошептала директор. – Вы что, мальчишка?

Сказать по правде, Александру Анатольевичу было всего двадцать лет. Но это не имеет значения, когда ты учитель.

– Извините, Ирина Андреевна, но дело не терпит отлагательств, а по лестнице я подняться не рискнул, потому что меня пасет Даша. Прохода мне не дает.

– Что вы выдумываете? – всплеснула руками директор.

Физрук покачал головой:

– Увы, это правда. Вы слышали музыку? – тут же переключился он на главное. – Что делать будем? Не сгонять ли мне на площадь, как считаете?

– Плохая идея. Там наверняка орланы. Появиться на площади представителю интерната – все равно что расписаться в содеянном.

– А если сцапают нашего ребенка? – озабоченно спросил Саша.

– Ребенка... переведут от нас, – внезапно осипшим голосом ответила директриса. – А если с ребенком будет и преподаватель, ликвидируют всех. Ибо тогда акт будет расценен как целенаправленный... – У нее перехватило горло.

– ...Преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору – закончил физрук.

– Не знаю, что вы такое цитируете, но по сути верно, – прокашлявшись, отозвалась директор. – Однако действовать надо. Вы можете осторожно выйти на улицу и покараулить? Если вдруг кто-то из них появится со стороны переулка...

– Кто-то из них?

– Троих нет в постелях. Двух девчонок и Жени.

– Женек, простите меня, на толчке. Опять перед сном налопался каких-то семян, теперь мучается.

– Слава богу! То есть я хотела сказать, жаль его, конечно, но это к лучшему. Значит, либо Юля, либо Ляля.

– Кто бы мог подумать... Ладно, я иду на улицу, а вы караульте тут. Кстати! На вашем месте я бы пошел в музыкальный зал. Там, знаете ли, перед окном растет дерево, с которого здорово влезать на крышу.

– Да, мне приходило это в голову. Так и поступлю.

Ни в музыкальном зале, ни на дереве никого не было. А вот в крайней спальне девочек обнаружилась Ляля в облегающей майке и короткой юбочке, слезающая с подоконника.

Увидев друг друга, девушка и директриса на мгновение остолбенели. Ирина Андреевна пришла в себя первой.

– Идем со мной, Ляля, – приказала она.

Девушка, опутив голову, подчинилась.

Едва прикрыв дверь своего кабинета, Ирина Андреевна сразу пошла в наступление.

– Ляля, скажи мне, где ты была? И главное, – директор сделала глубокий вдох, – расскажи, что ты делала.

Ляля покраснела с головы до ног, включая даже кожу под светлым ежиком волос. Она стояла, понурившись и теребя колечко пирсинга на левой брови.

– Послушай, я не собираюсь тебя наказывать, хотя стоило бы. Но дело серьезнее, чем ты думаешь, и опасность может грозить не только тебе. Слышишь?

Ляля молчала.

– Ты была на площади? Скажи мне! – потребовала директриса.

– Где?!

В глазах Ляли вспыхнуло такое искреннее изумление, что Ирина Андреевна почти удостоверилась, что девушка ни при чем.

– Я спрашиваю, была ли ты на площади. Пожалуйста, скажи правду, – уже спокойнее произнесла директриса.

– Нет, – недоуменно пожала плечами Ляля. – Честное слово, нет.

– Тогда где же ты была? – спросила сбита с толку директриса.

Ляля опять замолчала и опустила голову.

– Послушай... – Директриса начала раздражаться. – Если ты не уходила с территории, почему ты не можешь ответить на простой вопрос? Тебе уже пятнадцать лет, ты взрослая девушка...

И тут у нее в голове словно что-то щелкнуло. А ведь и правда, девушке уже пятнадцать лет. А еще в интернате есть юноша, которому скоро шестнадцать. Остальные мальчишки младше как минимум на три года...

– Виталик... – проговорила директриса.

Так вот почему он не спал. Ну конечно, их комнаты рядом, и девчонка просто прошлась по карнизу до соседнего окна.

– Вот я скажу его родителям...

– Не надо, зачем? – От Лялиной молчаливости не осталось и следа. – Мы же ничего не делали, просто разговаривали!

– И где же ты пряталась? Я ведь заходила, – усмехнулась Ирина Андреевна.

– Под кроватью, – прошептала Ляля.

Директриса провела ладонью по лицу. Еще и это! Подростковая любовь. Как некстати! В другое время директор интерната категорически сказала бы: «Нет! Никаких встреч после отбоя. Не в вашем возрасте». Но сейчас не та ситуация. Сейчас задача – выжить. Им всем. Любой ценой.

– Послушай, Ляля... – Ирина Андреевна устало опустилась на стул. Начала болеть нога. – Когда вам с Виталиком захочется поговорить, делайте это в музыкальном зале. Полчаса после отбоя – и не больше. Но никаких «под кроватью» в спальне. Ты слышишь?

Ляля недоверчиво и радостно взглянула на директрису:

– Можно?..

– Можно, – ответила та без эмоций. – А сейчас иди спать. И с Виталиком я еще побеседую.

– Спасибо, Ириночка Андреевна!

Ляля порывисто прижала руки к груди и бесшумно, как бабочка, упорхнула из кабинета.

«Мы живем, словно по законам военного времени, – подумала директриса, облокотившись о стол и подперев голову. – Вместо того чтобы нормально учиться, дети, будто малолетние преступники, изолированы от всего мира и даже не догадываются – за что...»

На этой веселой ноте измученная неизвестностью Ирина Андреевна заснула, пропустив и возвращение Юли, и визит физрука, спешившего сообщить, что на улице он никого не нашел, и уж тем более появление Ани Пчелкиной, об уходе которой она даже не догадывалась.

Вот почему утром, вскочив с рассветом, Ирина Андреевна тут же принялась обдумывать план действий. Пытать Юлю было бесполезно – директриса знала это по опыту. Вот если бы удалось застать девчонку с поличным – другое дело. А так она придумает тысячу правдоподобных версий от «ходила попить на кухню» до «лазила на дерево вернуть птенца в гнездо». И гнездо обязательно найдется. А уж взывать к совести, говорить о своем беспокойстве за других – дело и вовсе провальное. Нет, в первую очередь следовало подумать об орланах: раз они не навестили интернат среди ночи, значит, явятся днем. Надо было подготовиться.

Как назло, обсудить ситуацию хоть с кем-нибудь не получилось: сначала помешала сломанная машина, потом эта труба. И разумеется, явились все одновременно, включая орлана. Но когда юниор-полицейский вошел в интернат, Ирина Андреевна была к этому готова.

Прибыл сам комиссар юниор-полиции. Директриса ожидала допроса, обвинений, требований назвать имя, но орлан холодно сообщил ей, что намерен провести тест. Это означало, что надо готовить детей к двум урокам: рисованию и физкультуре.

Обычно тесты проводились раз в полгода, но сейчас учеба только началась. Следовательно, полицейский подозревал, что кто-то из детей причастен к истории с часами. Способа воздействия, видимо, он не знал и собирался искать. Что ж, она будет все время поблизости.

Где-то далеко...

Башня задевала верхушкой облака.

В комнатке под самой крышей, у квадратного столика, расположились двое. В кресле под окном – длиннородый человек, а на спинке стула напротив – крупная летучая мышь.

Летучие мыши обычно не сидят на спинках стульев, предпочитая висеть под потолком, если уж вообще залетели в дом. Но это существо выглядело не так, как обычные летучие мыши. Оно явно прибыло в башню специально. И, судя по выражению глаз, не только не испытывало страха или смущения, но радо было пообщаться с человеком в кресле.

Жарко полыхал огонь в камине, пламя бросало отблески на каменный пол. Напротив висела картина, на ней двое скрестили мечи в поединке. Один из сражающихся выглядел несомненным волшебником, ведь только у волшебников бывают такие плащи. Правда, помимо плаща дерущийся был облачен в необыкновенную кольчугу, которая казалась сплетенной не из колец, как водится, а словно из мелких серебристых звездочек. Шлем оснащала целая система колесиков, с помощью которых не только поднималось забрало, но и раздвигались боковые стенки, превращая защитный головной убор в более открытый вариант. Таким же манером были устроены и наколенники. Противник вовсе не имел шлема, а его грудь защищали лишь три металлические пластины, сцепленные между собой. Впрочем, скудную экипировку с лихвой компенсировала маневренность: за спиной у человека топорщились два серых крыла.

Рядом с картиной возвышался, устремив вверх трубы, некий музыкальный инструмент. Если бы сидящим в комнате доводилось видеть орган, они, возможно, назвали бы инструмент именно так. Но дело в том, что инструмент играл самостоятельно, без музыканта. Тихие приятные звуки, напоминающие стройное пение корабельных снастей на ветру, наполняли комнату. Впрочем, собеседники до того привыкли к ним, что не обращали внимания.

– Твой ход, – проскрипел обладатель бороды.

Похоже, он нарочно старался говорить старческим голосом, желая выглядеть таким столетним дубом. На самом же деле человек был еще не стар – его выдавал острый взгляд, которым он обводил игровую доску. Да-да, столешница представляла собой игровое поле, по всей поверхности которого были выдолблены лунки. Каждый из четырех углов был окрашен своим цветом: белым, фиолетовым, морской волны и серебристым. В цветных лунках торчали колышки того же цвета. Середина доски была пуста. Впрочем, один из колышков – серебристый – уже покинул свою лунку и продвинулся вперед.

Тяжело махнув крыльями, мышь вспорхнула, словно гигантская бабочка, и, зависнув над столом, быстро переставила лапой один из колышков цвета морской волны. Затем вернулась на облюбованную спинку.

– Ну и что дальше? – спросила она тоненьким, на грани слышимости, голоском. – Будешь ходить за других тоже? Или один на один?

– Не в моих правилах совершать ходы за других, – хохотнул бородач. – Ты ход сделал, теперь снова я...

Он потянулся к следующему серебристому колышку, подумал пару секунд, затем быстро переставил его и, довольный, откинулся на спинку кресла.

– А известно ли тебе, что один из четырех зашевелился? – пропищала, а вернее, пропищала Мышь и сделал следующий ход тем же манером, что и предыдущий.

– Конечно. – Человек огладил бороду. – Но это пока ничего не значит, ты же знаешь. В прошлый раз мы ждали, надеялись, но ничего не произошло. Вспышка погасла, так и не разгоревшись в костер. – Он сделал очередной ход.

– Считаешь, ходока нет в живых? – Мышь наморщил лоб.
Это вышло у него так забавно, что соперник прыснул.
– Да нет, не думаю. Скорее, его просто вовремя убрали с поля.
– Что-то мне подсказывает, что на сей раз все иначе, – заявил Мышь, совершая ответный ход. – И скоро, наконец, подтянутся остальные.
– Я бы дал отрезать себе бороду, лишь бы твое мнение оказалось верным! – горячо воскликнул человек, не заставляя себя ждать.
– Не успеваю я за тобой, – недовольно воскликнул Мышь, вынужденный вновь подняться со спинки.
Его противник довольно захихикал.
– Сиди на доске.
– Я что тебе, филин? – буркнул Мышь. – Тут и уцепиться-то не за что.
Однако, кое-как растопырив лапы, он все же угнезвился на краю стола, поводя ушами-кисточками.
Некоторое время соперники сражались молча. Колышки «прыгали» друг через друга, продвигаясь к противоположным углам доски.
– Оп, и занял! – пропищал Мышь с торжеством, блокируя своим колышком следующий ход противника.
– Оп, и рано радоваться! – в тон ему ответил бородач, меняя колышек врага на свой и таким образом убирая оба с поля.
Но он тут же поплатился за свою дерзость, потеряв возможность следующего хода.
Обидевшись друг на друга, противники какое-то время молчали, глядя в разные стороны.
Человек не выдержал первым:
– Ну опять никто не выиграл! Итог уже очевиден.
– А ты бы хотел, чтобы победили серебристые? – с интересом спросил Мышь, почесывая лапкой за ухом.
– Ты же знаешь, что нет, – пожал плечами бородач.
– Тогда почему бы тебе не помочь кому-нибудь из ходоков? Пока снова не передрались?
– И кому бы ты предпочел помочь? Мальчику, девочке, графу?
Мышь поскреб лапой столешницу.
– Но-но, не царапай! – забеспокоился человек. – Нет теперь мастеров, способных воссоздать такую доску.
– Почему ты не назвал четвертую сторону? – устремив взгляд в потолок, спросил Мышь.
Бородач усмехнулся:
– А ты уверен, что есть и четвертая сторона? Лично я – нет.
Мышь и человек одновременно тяжело вздохнули.

Аня

Шел дождь, и урок рисования мы провели в музыкальном зале.

Настоящих красок почти не осталось, паром с недавнего времени привозит все меньше и меньше всего – не только вещей, но и продуктов. Но расстраиваться нечего: в последние дни лета мы занимались тем, что толкли в ступках обломки разноцветного кирпича, потом смешивали с какой-то вонючей штукой (привратник ворчал: «Машинное масло») и так получали краски. Выходило не хуже настоящих, из баночек, но сделать можно было только желтую и голубую (ну значит, и светло-зеленую). А потом мы со Славкой додумались сбегать на площадь и поскрести обломки крепостной стены. Учитель рисования был не в восторге от нашей вылазки, но промолчал: ведь теперь появилась и красная, и фиолетовая, и оранжевая... А при должном старании – коричневая. В качестве черной мы использовали уголь и почти не испытывали недостатка в цветах. Даже белила можно было получать – из ракушек. Впрочем,

я все равно рисовать не очень люблю, у меня никогда не возникало нужды в каких-то изысканных тонах типа ультрамарина, охры или бирюзового. Это умельцам, таким, как Женек или Натка Караванова, племянница директрисы, вечно чего-то недостает. Славка и остальные трое мальчишек вообще предпочитают рисовать карандашом: здесь черное, здесь белое. А сестрам Нагорным и Ляльке лишь бы попростее наляпать, не заморачиваясь оттенками.

Когда я увидела, что у рояля стоит орлан, почти не испугалась. «Ну подумаешь, юниор-полицейский, – рассуждала я, прикалывая лист к мольберту. – Что я, полицейских не видела? Даже если этот – самый главный и смотрит так, будто все про всех знает. Не может он знать. Не может!»

Кнопка выскользнула из вспотевших пальцев и упала на пол. Я нагнулась за ней и почувствовала, что мне не хочется выпрямляться. Совсем-совсем не хочется. Лучше так и держать голову под стулом, не видя орлана. Не смотреть.

Вдруг рядом с ножкой стула оказались ботинки. Легкие ботинки со шнуровкой, какие удобны разве что в полете, после трансформации. Мне даже почудился шорох перьев.

– Тебе помочь, девочка? – Голос был слегка насмешливым.

Лицу стало жарко. Я выпрямилась.

– Спасибо, я уже нашла, – буркнула я, что есть силы вдавливая кнопку в деревянный щит. Орлан направился к сидящим дальше.

– Ты его боишься? – тихо спросила, наклонившись ко мне, Ната.

– Бесит он меня, – процедила я сквозь зубы. – Явился, пугает всех....

В самом деле, наши девчонки сбились в кучу в углу, пацаны окружили их кольцом, мужественно выставив мольберты, как щиты. Мы с Наткой одни сидели в стороне, впереди всех.

– Забившись, как зайцы в нору, вы убиваете для себя всякую возможность творческого полета, – зло проговорил орлан, стоя над приготовившейся обороняться группой. – Будьте добры рассестись как следует. На расстояние вытянутой руки.

После этого он отвернулся и вновь вернулся к роялю. Заскребли стулья по полу: мои одноклассники без единого слова раздвигали ряды.

Я не могла понять: он нас ненавидит? Мы его раздражаем? Или ему нет до нас дела, а просто не нравится заниматься этой работой, когда есть гораздо более важные дела?

– Внимание! – холодно призвал орлан. – Кто прослушает объяснение, пусть винит только себя.

Он вытянул ладонь. На ней появился пестрый, медленно крутящийся шарик размером с очень большое яблоко. Мы замерли.

– Правило простое. Рисуем шар изнутри.

Последовала длинная пауза, на протяжении которой я не могла шевельнуться. Как будто из меня, живой, вдруг сделали чучело – как из белки, которая однажды погибла зимой.

Ярослав Игоревич, наш учитель рисования, предупреждал: «Никогда не рисуйте то, что вы видите внутри. Особенно на тестах. Вам могут предложить запертую шкатулку, мяч, закрытую книгу или завязанный мешок. А хуже всего – дверь. Как бы вам ни хотелось, никогда не рисуйте то, что вы вдруг увидели внутри. Рисуйте то, чего там точно нет. Фантазируйте». Это очень сложно. Мы тренировались всего пару раз, но до чего же трудно рисовать не то, что ты видишь, а то, чего ты не видишь! А особенно – не слышишь. Но мы кое-как выкручивались. Смотрели не в шарик, а мимо, рисовали домики, пиратские корабли. Золушку... Ванька даже нарисовал как-то раз папу с мамой, хотя он их точно никогда не видел. А что нарисовал Славка! Ну уж такое никак не поместилось бы в коробочке, это ведь не пуговица, не ключ, – длинного червяка с большой головой и круглыми горящими глазами. Ната еще крикнула: «Зачем ты нарисовал такого страшного червяка?» А Славка ответил, что это не червяк, а внутри сидят люди. А Ярослав Игоревич спросил: видел ли Славка где-нибудь такое или придумал сам. Славка сказал, что сам, и нам еще тогда показалось, что он врет. Наверняка без

спросу бегал в лес, потому что в городе такого точно не водится. Хотя и трудно поверить, что в лесу живет чудовище, которое глотает людей целиком.

– Приготовились. Те недохудожники, которые не способны нарисовать шар изнутри, могут рисовать снаружи.

Мы с Наткой сердито посмотрели друг на друга и мысленно объединились в ненависти к орлану. Обзывается еще, гад! Сузившая от гнева глаза Натка со своим пучком, заколотым большой шпилькой, стала похожа на одну девочку из старого журнала, который назывался «Комиксы». Я знала, о чем она думает: они с Женьком рисуют лучше всех, и уж конечно им несложно изобразить шар изнутри – все, что там есть. Они бы показали этому полицейскому, кто тут недохудожник! Но – нельзя. Придется хитрить.

– Сам-то он кто, – прошипела Натка. – Оборотень.

– Так же, как и кое-кто из ваших родственников, госпожа Караванова, – отчетливо говорил орлан, глядя прямо на нас. – Еще раз посмеете отвлечься, мне придется вместо рисования обучать вас технике полета.

Натка побледнела.

Она никогда не лазила по деревьям или по крышам. Она даже на качелях сильно не раскачивалась. Редко забиралась на самый верх скалодрома. Не любила рукоход. Да что там, ее кровать и та стояла далеко от окна.

Натка панически боялась высоты, какие уж там полеты. Но на что намекал орлан? На то, что Наткина тетя, наша директриса, – оборотень?!

– Начали! – сказал орлан и, слегка подбросив, выпустил шар.

Мир опрокинулся. Качнулся. Меня со страшной быстротой втянуло внутрь. Я поняла, что изображать шар снаружи не смогу если бы и хотела, – он не выпустит меня.

Мир встал на место. Перестал быть бесконечным. Небо голубым куполом накрывало темный круг озера, я стояла на островке. Веял легкий ветерок, образуя едва заметную рябь, вверху плыли облака. Белые – надо мной, а у горизонта, образованного верхушками деревьев и дальних гор, облака становились розоватыми. Деревья окружили озеро темным кольцом. Из воды торчали валуны, слабо пахло не то тиной, не то сыростью из леса. Больше в шаре ничего не было.

Жаль, но это нельзя было рисовать. Можно было рисовать лишь то, чего там нет. Например... мою губную гармошку. Тем более, что это просто – две палочки, а между ними дырочки.

Я начала рисовать – вроде получается, мир не против. Даже забавно. Радуюсь, что все так просто, я мурлыкала под нос мелодию. Сначала даже не замечала этого, но постепенно она стала нравиться мне все больше, становилась сложнее, как будто я напевала не одна, а кто-то вторил мне. Обозначились слова:

Земля – кораблик храбрый мой...

А потом я заметила, как купол небес сдвигается. И странное дело, это уже не купол, а еще один шарик, а лес, который только что был под ним – уже не лес, а... ночное небо со звездами?! В следующую секунду прямо под этим небом я увидела башню с одним окном, которое со скоростью молнии приблизилось, и я словно влетела внутрь, успев разглядеть комнату, человека, на столе перед ним – летучую мышь, а на стене – смутно знакомую картину...

Я так поразилась, что перестала петь. В тот же миг башня отдалилась и теперь лишь маячила на горизонте.

Раньше мир никогда не менялся. И уж тем более не расширялся, а ведь сейчас произошло именно это. Не выдала ли я свою способность? Что теперь делать? Еще толком не придя в себя после увиденного, я, не теряя времени, принялась раскрашивать кое-как накарябанную губную гармошку. И через несколько минут мне показалось, что небо-шарик словно бы слегка подвинулось обратно. Еще чуть позднее сомнений не осталось: башня исчезла, а купол вер-

нулся на место. Успокоенная, я завершила рисунок – в меру своих умений, конечно. Я же не художник. Хотя и не недохудожник.

– Заканчиваем! – приказал орлан, и меня выбросило в обычную реальность.

Как же мне хотелось поделиться с кем-нибудь! Но можно ли это делать? Кто бы ответил...

Взглянула на картину Натки – у нее нарисованы ластики, кисточки и карандаши – вон сколько всего успела. Жаль, что нашему учителю не позволено присутствовать, наверняка переживает сейчас. Интересно, смог ли кто-нибудь нарисовать шарик снаружи, и разрешит ли орлан посмотреть.

– Всем оставаться на местах. Подписываем работы. Госпожа Караванова, соберите.

Пока Натка ходила по рядам, орлан безмолвствовал, скрестив руки на груди. На его лице не отражалось никаких чувств, даже недовольство исчезло. Ребята тихо переговаривались, ожидая, что же дальше. Наконец Ната отдала полицейскому стопку рисунков и вернулась на место.

– Благодарю вас, – произнес комиссар и, не глядя, положил работы на рояль. – Вы, конечно, знаете, что выпускнику школы рано или поздно предстоит пройти тест для того, чтобы определить, готов он к самостоятельной жизни или нет. Тех, кто готов, ждет хорошая возможность проявить себя, трудясь на благо Империи. До сих пор стены интерната не покидали ученики моложе шестнадцати лет... за редким исключением. Но сейчас все изменилось. Империя нуждается в молодых думающих мозгах.

Он так и сказал: «думающих мозгах», как будто у кого-то мозг способен не думать!

– ... Поэтому выбор может пасть на любого из здесь сидящих. Для этого мы с вами проводим сегодня предварительный тест, часть из которого вы только что выполнили. А теперь переодевайтесь на физкультуру.

С этими словами он быстрым шагом вышел из зала, прихватив работы.

Никто не тронулся с места, всех словно придавило к стульям.

– Что он сказал? Любой может стать выпускником?! – раздался тонкий голос Лизы. – А если мы не хотим?

Вслед за этим разразился рев: Викусик, кто же еще. Я обернулась, не зная, что сказать. Если «думающий мозг» можно представить как механизм, то в моей голове сейчас бешено крутились шестеренки, от них летели искры. Викусику с Лизой десять лет, Олежке и Ваньке – одиннадцать. Какие они выпускники? Да и остальные... Мне скоро тринадцать, как и Славке, но я бы сейчас тоже с удовольствием заревела, вцепившись в сестру, если бы она у меня была. А еще лучше – в брата, если бы он был поблизости. Теперь он уже вырос и, конечно, не допустил бы, чтобы нас разлучили.

– Вика, подожди, не плачь, – пыталась успокоить Викусика Лялька, глядя по рыжим кудряшкам.

Но Викусик отчаянно рыдала, обняв за шею Лизу. Да и у Лизы уже катились слезы из глаз. – Мы, наверное, неправильно все поняли...

Похоже, Ляльке и самой хотелось в это верить.

– Ляля права, – решительно поднялся сидящий рядом с ней Виталик. – Это надо выяснить. Я сейчас пойду к нему и потребую рассказать толком.

Ни на кого не глядя, Виталик размашисто зашагал к двери и исчез в коридоре. Вот это да! Виталик, конечно, самый взрослый, самый умный, но чтоб вот так разговаривать один на один с юниор-полицейским...

Я выскочила на середину зала.

– Народ, а мы что, будем сидеть тут и ждать, пока его там расплющат?

– Вообще-то орлан сказал: переодеваться на физкультуру, – возразил Славка. Вот уж не ожидала от него!

– Кто-нибудь хочет со мной? – Я поняла, что начинаю закипать.

– Я хочу.

Ляля перестала гладить Вкусика и поднялась со стула, поправляя юбочку:

– Пошли, Насекомое.

Мы пустились бегом к кабинету директора – обычно орлан располагается там, когда приходит. У входа мы остановились, переводя дыхание и глядя друг на друга. Потом Ляля приникла ухом к двери, я последовала ее примеру.

В кабинете стояла тишина. Ляля осторожно потянула за створку заглядывая в щель. Потом резко рванула дверь на себя.

Внутри было пусто. Где же все?

– Может, они уже в спортзале? – растерянно предположила я.

Ляля покачала головой. Подумала и бросилась в спальню. Я – за ней. Оглянуться не успела, как Ляля вспрыгнула на подоконник.

– Смотри, – показала она вниз.

Я подошла. На спортплощадке, на краю поломанного бревна, сидели Виталик и юниор-полицейский и разговаривали. Вроде было не похоже, что Виталику грозит что-то ужасное, полицейский выглядел скорее дружелюбно. Казалось – болтают, как приятели. Или как старший брат с младшим. Вполне мирная картина. Даже синица сидит на ветке прямо над ними и что-то старательно склевывает, не собираясь улетать. Я посмотрела на Лялю.

– Что делать будем? – спросила она, не отрываясь от созерцания. – Пойдем к ним? Или можем помешать, как думаешь, Ань?

Ну надо же! Она советовалась со мной, как со взрослой! Даже не назвала Насекомым.

Я привыкла, что Ляля смотрит на всех нас, девчонок, как на малышню. Раньше Ляля дружила с Дашей, но теперь Даша стала учительницей, ей уже восемнадцать лет и положено дружить с учителями. Иногда Ляля общается с Машей, но крайне редко. Потому что Маша больше любит возиться с мелкими, а Ляле хватает самой себя.

Я промычала что-то неопределенное. С одной стороны, я же сама подбила Ляльку на поход. Но с другой, вроде все спокойно, а если мы попремся во двор, можем разозлить орлана и все испортить.

– Он же вроде не собирается... Он же ему ничего не сделает, да? – неуверенно и как-то просяще произнесла Ляля.

Я покосилась на нее и мысленно хлопнула себя по лбу. Вот балда! Да ей же нравится Виталик. Я вновь, на этот раз очень внимательно, посмотрела на сидящих внизу. Ну, пожалуй, он действительно может нравиться. Я бы даже сказала, что из всех мальчишек он самый красивый. Во-первых, уши не торчат, как у Славки. Во-вторых, у Виталика мускулы, а не ручки-палочки, как у Ваньки, Олежки и Женька. А как еще объяснить, я не знаю. В общем, Ляля, наверное, правильно выбрала.

Неожиданно мне вспомнился Сергей. У него тоже мускулы. А глаза такие...

Но я тут же помотала головой, удивляясь, при чем тут вообще Сергей. Он даже не из нашего интерната.

– Да все нормально, Ляль. – Я слегка тронула ее за руку. – Пойдем на физкультуру, а то влетит.

– Пошли, – вздохнула Ляля, и мы отправились переодеваться.

Глава пятая

в которой достижение цели не означает победу

Стоя в дверях кухни так, чтобы не видел орлан, Ирина Андреевна взволнованно наблюдала за собеседниками, пытаясь угадать, что означает внезапное внимание полицейского к Виталику. Рисунки, интересующие Ирину Андреевну, лежали стопкой на скамейке. По-видимому, орлан собирался позже спокойно рассмотреть их в беседке. Есть ли что-то в этих рисунках? Отличается ли рисунок Юли от прочих? Если бы знать... В любом случае, физрук Саша сейчас должен действовать по плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.